

Когда окончательно стемнело, снизу донёлся глухой звук колёс инвалидного кресла по мраморному полу. В нём чувствовалось давящее присутствие, не допускающее возражений.

Су Няньань лежал на кровати и смотрел в пустоту, но, услышав этот звук, тут же напрягся. Сердце забилося часто и тяжело. Он понял: Лу Чжиянь вернулся.

Снизу раздался почтительный и осторожный голос старого дворецкого:

— Господин, господин Су уже прибыл. Он отдыхает в гостевой комнате на втором этаже.

Колёса не остановились и направились прямо к лестнице.

Су Няньань поспешно вскочил с кровати и в полной растерянности замер посреди комнаты. Ладони вспотели.

Он не знал, что ему делать и что говорить. Оставалось стоять неподвижно, словно ожидая приговора судьбы.

В дверь дважды негромко постучали. Не дожидаясь ответа, старый дворецкий открыл её и отступил в сторону.

Инвалидное кресло медленно въехало в комнату, и Су Няньань впервые увидел Лу Чжияня.

Мужчина был одет в чёрный костюм. Даже сидя в кресле, он держался прямо, и ничто не могло скрыть исходившей от него резкой, властной ауры.

Он был поразительно красив: глубокий взгляд, высокий прямой нос, тонко очерченные холодные губы, светлая кожа с холодным оттенком. Но глаза — тёмные, тяжёлые, словно покрытый льдом глубокий омут — не несли ни капли тепла. Под этим взглядом Су Няньань инстинктивно опустил голову, не смея смотреть прямо.

Это и был Лу Чжиянь — глава семьи Лу и его муж лишь по названию.

Не было ни свадьбы, ни гостей, ни поздравлений, даже приличного объяснения происходящему. Их брак был всего лишь сделкой ради выгоды. Су Няньань — щит, присланный семьёй Су, номинальный супруг, который требовался семье Лу.

Комната и без того была небольшой, а с появлением кресла стала совсем тесной. Лу Чжиянь сидел напротив, источая характерные для альфы холодные феромоны. В них не было яростной агрессии, но они словно ледяной плёнкой обволакивали Су Няньаня — омегу. Железа слегка нагрелась; первобытный страх заставил его невольно отступить на полшага.

Взгляд Лу Чжияня скользнул по выцветшей рубашке, потёртой холщовой сумке, побелевшим от напряжения пальцам и наконец остановился на опущенной голове. Никаких эмоций — словно перед ним была незначительная вещь.

— Семья Су, отправляя тебя сюда, должна была всё объяснить.

Он заговорил низким, чуть хриплым голосом, холодным, словно зимний ветер. Каждое слово тяжело падало Су Няньаню на сердце.

— Ты всего лишь декорация.

Пальцы Су Няньаня резко дрогнули. Сердце будто сжала ледяная рука, и в груди тупо заболело.

Он и без того знал своё положение. Но услышать это прямо из уст Лу Чжияня оказалось куда тяжелее, чем он ожидал.

— Семье Лу нужен номинальный супруг главы дома, чтобы пресечь пересуды снаружи и участвовать в утомительных семейных мероприятиях, — продолжал Лу Чжиянь тем же бесстрастным тоном, словно говорил о чём-то совершенно обычном. — От тебя требуется только вести себя смирно, оставаться там, где тебе положено, не мельтешить у меня перед глазами и не желать того, что тебе не принадлежит.

— В доме Лу тебя не будут обделять. Одежда, еда и прочее будут соответствовать положению супруга главы семьи. Но запомни: этим твой статус и ограничивается.

Су Няньань опустил голову ещё ниже. Горло сдавило так, что он не мог вымолвить ни слова. Что он мог сказать? Возразить? У него не было такого права. Спорить? Он даже не решался поднять глаза.

Он лишь едва заметно кивнул.

Похоже, Лу Чжиянь остался доволен его покорностью. А может, ему просто было всё равно, как тот отреагирует.

Он развернул кресло к двери, и в голосе прозвучал приказ, не допускающий обсуждений:

— Главная спальня моя. Ты и дальше будешь жить в этой гостевой.

— Брачную ночь проведём отдельно.

Сказано было коротко и окончательно, без малейшего места для спора.

Сердце Су Няньаня окончательно упало.

Пусть их брак был лишь сделкой, пусть он был всего лишь декорацией — отдельные комнаты в первую брачную ночь всё равно означали явное унижение.

Он понимал, что Лу Чжиянь им брезгует: незаконным происхождением, простотой, тем, что Су Няньань не соответствует семье Лу и не достоин его самого.

Но эта неприязнь была выражена настолько открыто и безжалостно, словно тупой нож медленно резал и без того ничтожную гордость Су Няньаня.

Лу Чжиянь больше не взглянул на него. Колёса развернулись, кресло медленно выехало из комнаты. Дворецкий последовал за хозяином и тихо прикрыл дверь.

Раздался негромкий стук. Дверь закрылась, окончательно разделив два мира.

В комнате снова воцарилась мёртвая тишина. Су Няньань один стоял под холодным светом лампы, весь словно окаменев.

Он медленно подошёл к кровати, сел и коснулся простыни — та по-прежнему была холодной. Лунный свет падал через окно на пол, бледный и безжизненный.

Су Няньань не стал раздеваться. Так и лёг поверх постели в одежде, глядя в потолок. За всю ночь он не сомкнул глаз.

Живот всё ещё сводило от голода, но аппетита не было. В голове снова и снова звучали слова Лу Чжияня: «Ты всего лишь декорация».

Декорация.

Выходит, всё, что он получил после долгих лет стараний и того, как семья Су выкинула его за ненадобностью, — это роль необязательной вещи.

Он вспомнил свою жизнь у Су. Там было унижительно, но хотя бы существовал угол, где он мог укрыться.

А здесь он не стоил даже угла — всего лишь предмет для поддержания приличий, о котором никто не станет жалеть, если он сломается или исчезнет.

Глубокой ночью кто-то тихо постучал и внёс чашку холодной воды. Поставил её на прикроватный столик и, не сказав ни слова, ушёл.

Это был один из слуг семьи Лу. Он даже не захотел лишний раз взглянуть на Су Няньаня — очевидно, тоже считал его незначительной декорацией.

Су Няньань поднял чашку и сделал глоток. Холодная вода прошла по горлу и словно заморозила боль в груди.

Он понимал, что такое любовь и близость, понимал, что значит союз омеги и альфы. Просто никогда не думал, что его собственный брак окажется таким ледяным и унижительным.

Он не мечтал о любви Лу Чжияня, не ждал тепла от этого брака. Но не предполагал, что не получит даже элементарного уважения.

В первую брачную ночь не было ни красных свечей, ни тепла. Только холодная комната, холодная кровать и сердце, промёрзшее насквозь.

Он завернулся в одеяло так плотно, как только мог, но всё равно мёрз. Холод пробирал и тело, и душу — от макушки до самых пальцев ног.

За окном начало светать. Первый луч рассвета пробился в комнату и лёг на лицо. Су Няньань моргнул сухими, усталыми глазами. Сон так и не пришёл; остались лишь растерянность и беспомощность.

Он знал: с этой минуты его дни будут медленно тянуться в холодной вилле под ледяным равнодушием Лу Чжияня.

Без ожиданий. Без надежды. Только бесконечное терпение и мучительное существование.

<http://bllate.org/book/20587/2058858>